

КОМПОНЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ

COMPONENTS OF ARTISTIC COMMUNICATION OF THE AUTHOR AND THE READER

A. Komarov

Annotation

The article is devoted to the process of artistic communication between writer and reader in belles-lettres. In the article, the author singles out and describes two components which promote this process. One of them is the content of artistic writing; the other is the reader's attitude to this content. The author of the article investigates the interaction between the two components.

Keywords: A belles-lettres text, artistic communication, writer and reader, the reader's objective and subjective attitude, the content of artistic writing.

Комаров Александр Сергеевич
К. фил. н., доцент,
Финансовый университет
при Правительстве РФ

Аннотация

Статья посвящена процессу художественного общения между участвующими в нем субъектами. В ней описываются два компонента, на которых строится общение автора и читателя. С одной стороны, это контент авторского высказывания, включающий в себя тему высказывания, передаваемые чувства, эмоции и переживания, а также внутренний мир людей и взаимоотношения между ними. С другой стороны, это позиция читателя в отношении контента авторского высказывания, характеризующаяся процессами его субъективизации или объективизации. В статье раскрывается содержание обоих компонентов и их взаимодействие.

Ключевые слова:

Художественное общение, субъекты общения, позиция читателя, авторское высказывание, процесс субъективизации и объективизации авторского высказывания.

Художественное общение автора и читателя осуществляется через материальный объект, которым является художественное произведение. Обращаясь к художественному произведению, мы не можем не рассматривать его в рамках антропоцентрического подхода, т.е. пристального внимания к представленной в нем категории субъектности и субъекта как её носителя.

Данный подход позволяет нам проанализировать художественное произведение в качестве материального носителя, который способствует общению двух субъектов. Одним из них является создатель произведения, а вторым – его читатель. Общение между ними подвергается регулированию различными факторами, в том числе и их личностными статусами, которые непременно проявляются со стороны автора произведения в содержании его высказывания, а со стороны читателя в его позиции по отношению к авторскому высказыванию.

Таким образом, мы можем выделить два компонента, которые базируются на личностном статусе каждого субъекта и выступают основаниями общения между ними: это контент или информационное наполнение авторского высказывания и позиция читателя в отношении этого контента.

Контентом художественного произведения выступает художественный мир, который складывается из художественных образов и похож на реальный мир. В нем присутствует чувственная достоверность образов, материальная насыщенность, непосредственность, самостоятельность, незаданность, случайность, то есть все то, что принадлежит действительности. Однако это не реальный, а художественный мир, воссоздающий непосредственность жизни и при всей похожести на реальность являющийся вымышленным, порой не имеющим аналогов в реальности. По сути это виртуальный мир.

Авторский вымысел, как впрочем, и изображаемая в художественном тексте реальность, направлен на читателя с целью вовлечь его в этот художественный мир через общение с созданным текстом. Основным контентом художественного мира автора является тема авторского высказывания, эмоционально-психологические проявления человека, внутренний мир человека и взаимоотношения между людьми.

В процессе общения автором предлагается определенная тема для общения, некий предмет разговора. Он также "вербализует" обширную сферу невербальных проявлений субъекта, его чувства, эмоции и переживания.

ния. Более того, автор раскрывает перед читателем тему или проблему с разной степенью широты её обобщения.

Данный процесс вовлечения в общение наталкивает на процессы объективизации или субъективизации в позиции читателя к содержанию представленного ему автором художественному миру.

Процесс объективизации представляет собой отстранение авторского высказывания от себя и его обезличивание читателем. Данный процесс можно наблюдать у читателей, которые "объективно", то есть отстранённо, рассматривают ситуацию, не проецируя её на себя.

Например, один 18-летний абитуриент после прочтения романа "Котлован" А. Платонова, в котором автор с болью описывает наступление коммунизма в сельском хозяйстве, ликвидацию классов "посредством сплава на плоту кулака", "чтоб завтрашний день кулацкий сектор ехал по речке в море и далее...", и плачет над участью крестьянина-хозяина, который "обнял лошадь за шею и стоял в своем сиротстве, нюхая по памяти пот кобылы, как на пахоте" [4, с.192–196], написал: "Какие дураки! Посадили раскулаченных на плот и отправили в море. Они же могут причалить к берегу, выйти и спастись" [1, с.35].

Что касается процесса субъективизации, то он активизирует личностное принятие читателем авторского высказывания. Данный процесс наблюдается у читателей, которые внутренне вовлекаются в авторское высказывание полностью или частично. Данный процесс характеризуется не только полным или частичным внутренним согласием с авторским высказыванием, но и сопротивлением со стороны читателя авторской позиции, отстаиванием своего способа жизни, своей личности и т.д., вступлением с автором в полемический диалог.

Данная читательская позиция явно проявляется в следующем монологе о рассказе М. Горького "Макар Чудра" другого читателя (приводится с некоторыми сокращениями): "В этом рассказе встречается гордая красавица-цыганка Рада и такой же гордый, красивый и смелый Лойко Зобар. Лойко полюбил девушку, да и она его тоже. Но ее гордость оказалась сильнее любви, и Рада стала издеваться над юношей, унижать его при всех, выставляя цыгана с его любовью на всеобщее посмешище... И тут становится непонятно: почему же так странно проявляется ее гордость? Гордость – благородство, самоуважение, достоинство. Эти качества несовместимы со стремлением обидеть, унижить другого человека, которое скорее говорит об озлобленности, ущербности, душевной низости. Почему же Горький приписывает эти качества красивой девушке и откровенно любит ее? Почему называет недостойное поведение цыганки гордостью? Рада соглашается стать женою Лойко только в том слу-

чае, если он подвергнет себя неслыханному публичному унижению. И когда все собираются посмотреть на это, Лойко наносит ей удар в сердце ножом: ведь он тоже был гордый. Как к этому отнестись? Было ли когда-нибудь что-то похожее? Было. В пушкинских "Цыганах" Алеко убивает Земфиру, в новелле Проспера Мериме и в опере Жоржа Бизе погибает свободолюбивая Кармен. Но страшная Земфира и гордая Кармен умирают, защищая свою свободу и любовь. И ни Пушкин, ни Мериме не романтизируют убийцу. А во имя чего умирает Рада, которая шла к трагедии сознательно? Во имя права унижать и оскорблять любящего и любимого человека? И в этом – гордость и красота? Ну а убийца – красавец Лойко? Память подсказывает другой пример. Можно ли себе представить, допустим, героя Дюма, который ударил бы шпагой безоружного человека? И финал рассказа: отец убитой Рады отвечает ударом на удар – вонзает нож в спину Лойко. Смерть за смерть – в этом есть своя жестокая справедливость. Но удар ножом в спину всегда был символом трусливой и подлой жестокости, а не справедливости суда. Так какую же романтику нашел Горький в кровавой развязке своего рассказа?" [1, с. 41– 42].

Таким образом, авторский контент и читательская позиция вступают во взаимодействие, приводя в движение или стопоря процесс общения двух субъектов. Рассмотрим некоторые конкретные примеры этого взаимодействия двух компонентов.

Например, оба собеседника участвуют в одной тематической цепочке высказываний, в которой имеется общий для них предмет разговора. При этом в процессе общения не всегда совпадают высказывания собеседников, может присутствовать нежелание читателя соглашаться с автором, но не изменяется основной предмет разговора при стремлении первого оставаться на предложенной последним теме.

Более того, читатель может привнести в общение некоторые дополнительные, возможно, личностные высказывания, которые, однако, связаны с и не выходят за тематический контент авторского высказывания.

В этом плане интересным представляется общение двух авторов, один из которых является читателем другого. На наш взгляд, именно отсюда "появляется феномен многих вариаций одного и того же" [2, с.48], в основе которого лежит процесс субъективизации предложенной одним автором темы разговора другими.

Так тема "идеальное государство" стала одной из основных тем утопического романа. Мы имеем прекрасную возможность наблюдать, как Т. Мор в "Утопии" и Т. Кампанелла в "Городе Солнца" преобразовывают утопию Платона, разработанную им в "Государстве". Идеи "Уто-

пии" Т. Мора подхватываются Ф. Рабле в "Гаргантюа и Пантагрюэле", а мысли Ф. Бекона, высказанные им в 1605 году, проникают в драму Шекспира "Буря". По своему развил тему в своём научно-фантастическом романе "Иной свет, или Государства и империи Луны" Сирано де Бержерак. А Д. Свифт продолжил её в "Путешествиях Лемюэля Гулливера". Думаю, что при желании можно проследить общение с этими авторами их читателей вплоть до сегодняшнего дня.

Следует отметить, что процесс общения между автором и читателем нарушается при нахождении читателя вне авторского тематического пространства. Это происходит в случае участия обоих собеседников в непересекающихся тематических цепочках, т.е. когда читатель фокусирует свое внимание на своём высказывании. Нарушение общения происходит при отклонении от темы или её смене, которые представляют собой попытку ухода от предложенной темы как нежелательной, опасной, не представляющей интереса, скучной, несвоевременной и т.д. Ситуация нахождения читателя вне авторского высказывания особенно ярко проявляется в стремлении читателя внедрить свою тему в авторскую.

Например, некие читатели "Детства" и "Отрочества" Л.Н. Толстого очень недоумевали по поводу того, что в этих произведениях "нет на первом плане какой-нибудь прекрасной девушки лет восемнадцати или двадцати, которая бы страстно влюблялась в какого-нибудь также прекрасного юношу", а также не выставлены картины общественной жизни [5, с. 164–165]. На данные замечания в адрес писателя критик резонно замечает: "Да мало ли и другого чего он не выставил в этих повестях? В них нет ни военных сцен, ни картин итальянской природы, ни исто-

рических воспоминаний, нет вообще много такого, что можно было бы, но неуместно и не должно было бы рассказывать". И задает таким читателям вопрос, отсылая их к авторскому высказыванию и его теме: "Помните ли вы эту чудесную фигуру девушки, сидящей у окна ночью, помните ли, как бьется ее сердце, как сладко томится ее грудь предчувствием любви?" [5, с. 165–166].

Позиция читателя подобным образом может взаимодействовать и с эмоциональным и психологическим контентом авторского высказывания. Более того, в каждый момент общения субъекты могут смотреть на тему или проблему с разной степенью широты её обобщения.

Итак, в целом, мы можем констатировать, что возможность вступить в художественное общение зависит как от содержания авторского высказывания, так и от позиции читателя. При этом измерением его успешности может выступить субъективная позиция читателя, находящая свое проявление в готовности возвратиться к уже прочитанному, сделать ссылку на него, повторить часто не очень осознанно место, слово, ситуацию из авторского высказывания.

В заключение мне хотелось привести пример выдающегося по своей успешности общения читателя с автором, в котором раскрывается его механизм: "Я принадлежу к тем читателям Шопенгауэра, которые, прочитав одну его страницу, вполне уверены, что они прочитают все, написанное им, и будут слушать каждое сказанное им слово. У меня сразу явилось доверие к нему, и это доверие теперь таково же, каким было девять лет назад. Выражаясь нескромно и нелепо, я скажу: я понял его, как будто он писал для меня" [3, с. 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. Дорога к книге (Психологи – учителям литературы). М.: НПО "Образование", 1996. 128с.
2. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация: Выступления и доклады. СПб.: Издательская группа "Лениздат", "Команда А", 2014. 384 с.
3. Ницше Ф. Шопенгауэр как воспитатель //Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. С. 47–124.
4. Платонов А.П. Котлован //Государственный житель: Проза, ранние соч., письма. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 121–229.
5. Чернышевский Н.Г. "Детство" и "Отрочество", "Военные рассказы" графа Л.Н. Толстого //Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова: Сборник статей. М.: Детская литература, 1989. С. 156–166.

© А.С. Комаров, (komarov59@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

